

**Popov Vladimir. Mixed Fortunes:
An Economic History of China, Russia, and the West.**
N. Y.: Oxford University Press, 2014. — 191 p.

В новой книге «Такие разные судьбы: экономическая история Китая, России и Запада» (изданной пока только на английском) Владимир Викторович Попов предлагает свою версию сравнительной институциональной истории мира. В этой работе предпринята попытка объяснить причины как феноменального экономического успеха Китая, так и глубокого провала России (и стран бывшего СССР) в последние десятилетия.

Как и в большинстве предыдущих работ автора, в книге представлена неортодоксальная точка зрения на рецепты экономического роста. С одной стороны, Попов выступает как сторонник активной интервенционистской и протекционистской политики государства¹ и критик нелиберальных макроэкономических рецептов. С другой стороны, его нельзя причислить к апологетам автаркии или к социалистам (то есть к сторонникам централизованной плановой экономики): плановую или автаркическую экономику он считает своего рода институциональной ловушкой, блокирующей дальнейшее развитие.

Эта книга отличается от предыдущих работ автора прежде всего историческим масштабом. В ней он предлагает собственное объяснение причин формирования в разных странах сильных или слабых институтов.

¹ В настоящее время большинство традиционных инструментов такой политики — таможенные пошлины, прямые и скрытые субсидии производителям и т. д. — фактически запрещены правилами ВТО. Поэтому для развивающейся страны, с точки зрения Попова, особенно важно покупать иностранную валюту и долговые обязательства с целью занижить курс своей валюты и обеспечить выгодные условия для отечественных экспортеров (Р. 144).

**Longue Durée, или Откуда берутся
слабые и сильные институты**

Никто, кажется, не спорит с тем, что качество институтов непосредственно влияет на перспективы экономического роста. Но как и по каким критериям следует измерять это качество? «Общепринятая мудрость» (conventional wisdom) институциональной теории сводит эти критерии к следующему набору: свобода торговли, защита прав собственности и их четкое разграничение и т. д.² Проблема, однако, не только в том, что количественно оценить эти показатели затруднительно, но и в самом принципе их отбора. Под обществом, в наибольшей степени соответствующим этим критериям, легко угадываются несколько идеализированный образ Великобритании и отчасти США XIX в.

Попов предлагает принципиально иной способ оценки качества институтов. Во-первых, он определяет его не по степени сходства с викторианской

² В большинстве работ Попов подвергает критике эту «общепринятую мудрость», наиболее систематически изложенную в работах Д. Норта, ссылаясь, в частности, на пример китайских TVE — «поселковых предприятий», которые нередко оказываются чрезвычайно успешными и разрастаются до масштабов мирового рынка, несмотря на нечеткие и запутанные права собственности. Работы других историков экономики позволяют поставить под сомнение и другие пункты этой «общепринятой мудрости». Так, Р. Аллен полагает, что одной из причин экономического отставания Франции от Англии в XVII—XVIII вв. была чрезмерная защита прав собственности (см.: Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Из-во Института Гайдара, 2014).

Англией (вернее, с ее схематизированным образом), а по способности государства контролировать общество. Во-вторых, он измеряет ее по двум объективным показателям: количество убийств на 100 тыс. населения в год и доля «серой» экономики в общем объеме ВВП. Статистика убийств отражает частоту нарушения монополии государства на насилие, а также служит хорошим маркером уровня преступности в целом — статистика по нетяжким преступлениям менее достоверна, а значит, именно по количеству убийств можно оценить, насколько государство в состоянии требовать от граждан соблюдения установленных им правил. В свою очередь, высокая доля «серого» сектора отражает неспособность государства собирать налоги и его общую институциональную несостоятельность.

Страны Западной Европы и Северной Америки, как правило, занимают высокие позиции в обоих рейтингах: уровень убийств и доля «серого» сектора в них невысоки. Страны бывшего СССР и Латинской Америки — это регионы с высокой частотой убийств и огромной теневой экономикой. Любопытно, что страны двух регионов — Восточной Азии, а также MENA (Middle East and North Africa) — приближаются по параметрам общего качества институтов к более богатым странам Запада или даже опережают их. Чем обусловлена подобная ситуация?

Предложенная Поповым интерпретация институциональной истории Востока и Запада сводится к следующему. Примерно до 1400 г. на всей планете господствовали «коллективистские институты», родовые и общинные структуры. Они не только сковывали частную инициативу, но и обеспечивали своим членам минимальную социальную защиту. Таким образом, человечество пребывало в своего рода мальтузианской ловушке: социальное неравенство, сбережения, а значит, и инвестиции находились на сравнительно низком уровне. Поэтому увеличение массы капитала не опережало рост населения, а иногда отставало от него, сбережения инвестировались, как правило, в создание новых рабочих мест, а не в повышение капиталовооруженности старых.

В конце XV в. в Западной Европе начался распад традиционных коллективистских институтов, сопровождаемый резким ростом неравенства, следователь-

но, и нормы сбережений и инвестиций³. За ускоренное экономическое развитие западным странам пришлось заплатить высокую цену: пережить долгий период институциональной несостоятельности (что нашло выражение в том числе в высоком уровне убийств в XVI—XIX вв.). Однако в итоге к XIX в. страны Запада сумели заменить старые общинные и клановые структуры новыми институтами поддержания порядка в обществе — формализованными институтами права.

Как отреагировал остальной мир на вызов Запада? Часть неевропейских государств — прежде всего Российская империя и страны Латинской Америки — приступила к вестернизации, причем в России эти реформы проводились местными монархами, а в Латинской Америке — европейскими колонизаторами.

Ликвидация «коллективистских институтов» началась в России при Петре I и продолжалась в ходе крестьянской реформы 1861 г., реформ Витте и Столыпина. Норма сбережений повысилась за счет увеличения неравенства в обществе и снижения жизненного уровня большей части населения. Если остальные великие «пороховые империи» XVI в. к 1900 г. превратились в формальные (Индия) и неформальные (Китай, Иран, в меньшей степени Турция) колонии, то Россия даже упрочила свой статус великой державы. Ценой поддержания статуса стал «институциональный вакуум»: старые общинные институты уничтожили, а новые так и не создали.

Заметим, что предложенная Поповым интерпретация экономической истории России хорошо согласуется с результатами исследований по аграрной истории. Напомним, что увеличение экспорта хлеба после реформы 1861 г. сопровождалось самыми тяжелыми вспышками голода за всю историю России. Это было связано

³ С точки зрения Попова, именно высокой нормой сбережений, а не господством частной инициативы или технологическими изобретениями, объясняется взлет Запада. Дело в том, что в этих нематериальных ресурсах, по его мнению, обычно не ощущается недостатка: изучая историю едва ли не всех изобретений доиндустриального периода, мы видим, что они совершались неоднократно и в самых разных регионах. Следовательно, основная проблема состояла не в том, чтобы сделать изобретение, а в том, чтобы внедрить его; для этого требовались инвестиции.

не в последнюю очередь с уничтожением резервных фондов крестьянских общин в ходе крестьянской реформы.

Советский период, с точки зрения автора, представлял собой частичный отход от традиционной для России «латиноамериканской» модели экономики и общества. Советский плановый проект до определенного момента был вполне успешным: в 1929—1970 гг. по темпам роста СССР уступал только Японии. Однако после его краха Россия вернулась на свой традиционный «латиноамериканский» путь развития.

Какие конкретные выводы следуют из этой модели, если она верна? Ссылаясь на неожиданный для большинства институциональных экономистов успех стран Восточной Азии во второй половине XX в., Попов предсказывает, что экономических чудес в дальнейшем следует ждать на Ближнем Востоке и в Северной Африке, то есть в странах, которые, как и Восточная Азия, «воспротивились вестернизации своих институтов и сохранили институциональную преемственность — как и сравнительно низкий уровень неравенства» (Р. 52).

Относительно России и Латинской Америки автор приходит к неутешительным выводам. Вестернизация привела в этих странах к немедленному экономическому росту, но за это пришлось заплатить слишком высокую цену. По обоим предложенным им показателям эти регионы находятся на крайне низкой отметке. Именно из-за общей институциональной слабости рыночные реформы в бывшем СССР привели к такому печальному результату.

«Шоковой терапии» в России нередко противопоставляют постепенные реформы в Китае. Но в других странах Восточной Азии, например во Вьетнаме, она не привела к такому же глубокому спаду, что связано с относительно сильными институтами в стране, предотвратившими деградацию «общих функций управления» (*general government*).

Policies: как качество институтов влияет на экономику

В конце XX в. Россия и Китай находились, как представлялось, в примерно сходной ситуации. В обеих странах существовали централизованные плановые экономики, причем китайская модель была во многом скопирована с советской.

Примерно в одно и то же время (с лагом в десятилетие) эти страны начали экономические реформы. Но в России они привели к обвалному сокращению экономики, а в Китае — к наиболее впечатляющему экономическому чуду современности. Можно предположить, что различные результаты связаны с особенностями политики, проводимой в этих странах.

Действительно, политика постепенной либерализации экономики, проводившаяся в Китае, с точки зрения автора, была более разумной, чем «шоковая терапия» в СССР, Польше или Вьетнаме. Необходимость либерализации предполагает, что в экономике уже сложился значительный структурный дисбаланс — проблема в том, что резкий переход к равновесному состоянию будет сопровождаться обрушением экономики. В неэффективных (в рыночных условиях) секторах производство сократится, а эффективные секторы из-за недостатка инвестиций не смогут расти так быстро, чтобы компенсировать эту потерю. Отсюда следует вывод: «Поскольку реформы создают необходимость реструктуризации экономики (и реаллокации ресурсов), скорость реформ должна быть такой, чтобы масштаб реструктуризации не превосходил инвестиционный потенциал экономики» (Р. 101).

Сравнительный анализ развития России и Китая в 1990-е годы подтверждает этот тезис: экономика России падала почти с той же скоростью, с какой росла китайская. Однако здесь возникает вопрос: был ли возможен китайский сценарий в России в 1989—1991 гг.? Попов отвечает на него отрицательно. Этот вывод отчасти связан с тем, что рыночные реформы начались в России слишком поздно. Плановая экономика, которая позволяет сконцентрировать ресурсы и резко нарастить производство, имеет врожденный порок: непропорционально большая доля инвестиций направляется на создание новых производственных мощностей и слишком малая — на замену старых.

Обращаясь к метафоре Й. Шумпетера, охарактеризовавшего процесс экономического развития в капиталистической экономике как «созидательное разрушение», можно сказать, что плановая экономика вполне успешно справлялась с «созиданием», но оказалась неспособна организовать «разрушение». Поэтому к 1980-м годам, когда большая часть созданных после войны производственных

мощностей устарела или пришла в негодность, СССР столкнулся с почти неразрешимыми экономическими проблемами.

Но даже если бы СССР начал реформы раньше, в 1960-е годы, то, с точки зрения автора, китайские темпы роста не были бы достигнуты. Дело в том, что наиболее рациональный способ реформирования плановой экономики — постепенная либерализация — вряд ли был возможен в России из-за низкого качества ее институтов. Подобный темп реформ требовал от государства способности, с одной стороны, удерживать экономических агентов от торговли на «сером» рынке по рыночным (а не заданным государством) ценам, а с другой — предотвратить лавинообразный отток ресурсов из государственного сектора в рыночный. Однако Россия в конце 1980 — начале 1990-х годов не могла обеспечить подобную «мягкую посадку» своей экономики из-за слабости базовых институтов.

Взгляд со стороны

Работа Попова лишена недостатка многих экономических трудов, грешащих своего рода презрением к эмпирике. Однако, будучи стихийным или сознательным последователем К. Поппера и выстраивая формальную теорию (с четкими количественными критериями фальсификации), Попов не мог не отбросить важные явления, не вписывающиеся в узкие рамки его интерпретации. Насколько согласуются с историческими фактами основные положения его теории?

То, что в течение всей своей истории, вплоть до промышленной революции человечество находилось в мальтузианской ловушке, сегодня вряд ли кем-то оспаривается. В работах Ф. Броделя или его российского последователя С. Нефедова показано, что уровень жизни в традиционном аграрном обществе отрицательно коррелировал с темпами роста населения: если население росло, то он снижался. В то же время любая демографическая катастрофа — Черная Смерть (чума) или Тридцатилетняя война — приводила к краткосрочному улучшению качества питания.

Впрочем, отсюда не следует, по умолчанию, что единственным (даже в доиндустриальный период) выходом из мальтузианской ловушки был рост неравенства (или иначе — экспроприация непосредственных производителей

элитами). Эта восходящая, по-видимому, к Марксу модель адекватно описывает подъем классической капиталистической страны — Англии. Однако вряд ли ее можно считать универсальной, поскольку не все страны Запада пошли этим путем.

Пожалуй, самым ярким исключением из этого правила была Швеция, пример которой показывает, что ускоренное развитие было возможно без экспроприации низов и усиления неравенства. Почти на всей территории Европы запутанные земельные конфликты конца Средневековья были разрешены в пользу дворянства, но в Швеции произошло обратное: в XVII в. шведские короли произвели «редукции», конфисковав поместья аристократии. Страна сумела сохранить старую общинную собственность (и низкую степень неравенства), даже превратившись в одну из великих европейских держав, а впоследствии — в развитое индустриальное государство. Отметим, что объяснить этот шведский парадокс не смог даже Маркс⁴.

Решение автора рассматривать в качестве основного фактора экономического развития именно норму сбережений вполне понятно. Это количественный фактор, который можно измерить объективно. Однако модель, связывающая экономический рост исключительно с накоплением капитала, судя по всему, несколько упрощает действительность. К подобному выводу пришел М. Абрамовитц. Изучив статистику производительности в США в 1870—1953 гг., он обнаружил, что общий рост капиталовооруженности и количества отработанных часов на душу населения за этот период не превысил 14%, а объем производства на душу населения вырос на 248%. Как заключил Абрамовитц, есть некий третий фактор, не отраженный в статистике, который отвечает почти за весь

⁴ Как указывает Маркс, «английская буржуазия [поддержав огораживание]... поступала столь же правильно, как и шведские горожане, которые, наоборот, соединившись со своим экономическим оплотом — крестьянством, поддерживали королей, насильственно отбиравших у олигархии награбленные ею коронные земли» (Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Т. 1, кн. I. М.: Политиздат, 1983. С. 735). Обратим внимание на то, что Маркс не указывает, в чем именно состоял интерес шведской буржуазии, поддержавшей ликвидацию крупного землевладения в Швеции, и почему буржуазия в Англии была заинтересована в его поддержке.

рост производительности в американской экономике. Впоследствии Р. Солоу отождествил эту «темную материю» с технологическими инновациями.

Попов обходит эту проблему, ссылаясь на то, что экономическое развитие зависит не столько от новых изобретений, сколько от наличия свободного капитала, позволяющего внедрить их в производство. С этим можно согласиться. Однако доказывает ли это, что экономический рост будет неизменно коррелировать с ростом сбережений и инвестиций? Здесь возникает проблема эффективного реинвестирования доходов. Согласно некоторым данным, различные отрасли имеют принципиально разную технологическую емкость.

Классический пример, приводимый Э. Райнертом, — производство пшеницы и клубники: первая отрасль легко механизуется, а во второй до сих пор используют ручной труд. Это связано не с тем, что в выращивание клубники по каким-то причинам инвестируют меньше денег, а с «имманентными свойствами продукта» (inherent properties of the product)⁵.

Если предположения Райнерта верны, то страна, специализирующаяся на отраслях с низкой технологической емкостью (сюда относятся добыча ресурсов, а также немеханизируемые отрасли сельского хозяйства и промышленности), будет отставать при любой социальной политике: она не сможет вырваться вперед

даже за счет ликвидации старых институтов и усиления неравенства. В этом случае сверхдоходы элит, поскольку их нельзя эффективно реинвестировать в технологически не емкие отрасли, будут потрачены на престижное потребление, как в Польше XVII в. или в России XXI в.

Впрочем, эти замечания не умаляют ценность работы Попова. Как мы уже отмечали выше, модель, в которой проблема экономического роста сводится прежде всего к накоплению капитала, имеет свои эпистемологические достоинства. Она позволяет проводить количественный, а не почти исключительно качественный (как в случае шумпетерианской теории) анализ.

С нашей точки зрения, предложенную автором модель сравнительной институциональной истории можно считать ценным вкладом в отечественную интеллектуальную традицию. В последние десятилетия нашим общественным сознанием почти безраздельно завладели вполне манихейские по своему духу теории, представляющие «восточный» и «западный» пути развития как метафизические альтернативы, причем один из них — в зависимости от взглядов того или иного деятеля — объявляется благотворным, а другой — гибельным. Попов оказался, пожалуй, первым отечественным автором, поставившим вопрос о цене и издержках выбора того или иного пути именно для страны догоняющего развития.

⁵ Reinert E. S. International Trade and the Economic Mechanisms of Underdevelopment. PhD Thesis. Cornell University. May 1980. P. 28.

К. Галеев

Технический редактор, компьютерная верстка — Т. Скрыпник
Корректор — Л. Пущаева

Учредители: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“»; Институт экономики РАН.
Издатель: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“». Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати, рег. № 018423 от 15.01.1999. **Адрес редакции:** 119606, Москва, просп. Вернадского, д. 84. **Тел./факс:** (499) 956-01-43. **E-mail:** mail@vopreco.ru

Индекс журнала: в каталоге агентства «Роспечать» — 70157; в каталоге «Почта России» — 10788; в Объединенном каталоге — 40747. Цена свободная.

Подписано в печать 31.10.2014. Формат 70 × 108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 2 250 экз.

Отпечатано в АО «Красная Звезда». Адрес: 123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38. Тел.: (495) 941-34-72, (495) 941-28-62. www.redstarph.ru. Заказ № 3103.

Перепечатка материалов из журнала «Вопросы экономики» только по согласованию с редакцией. Редакция не имеет возможности вступать с читателями в переписку, рецензировать и возвращать не заказанные ею материалы. © НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“», 2014.
